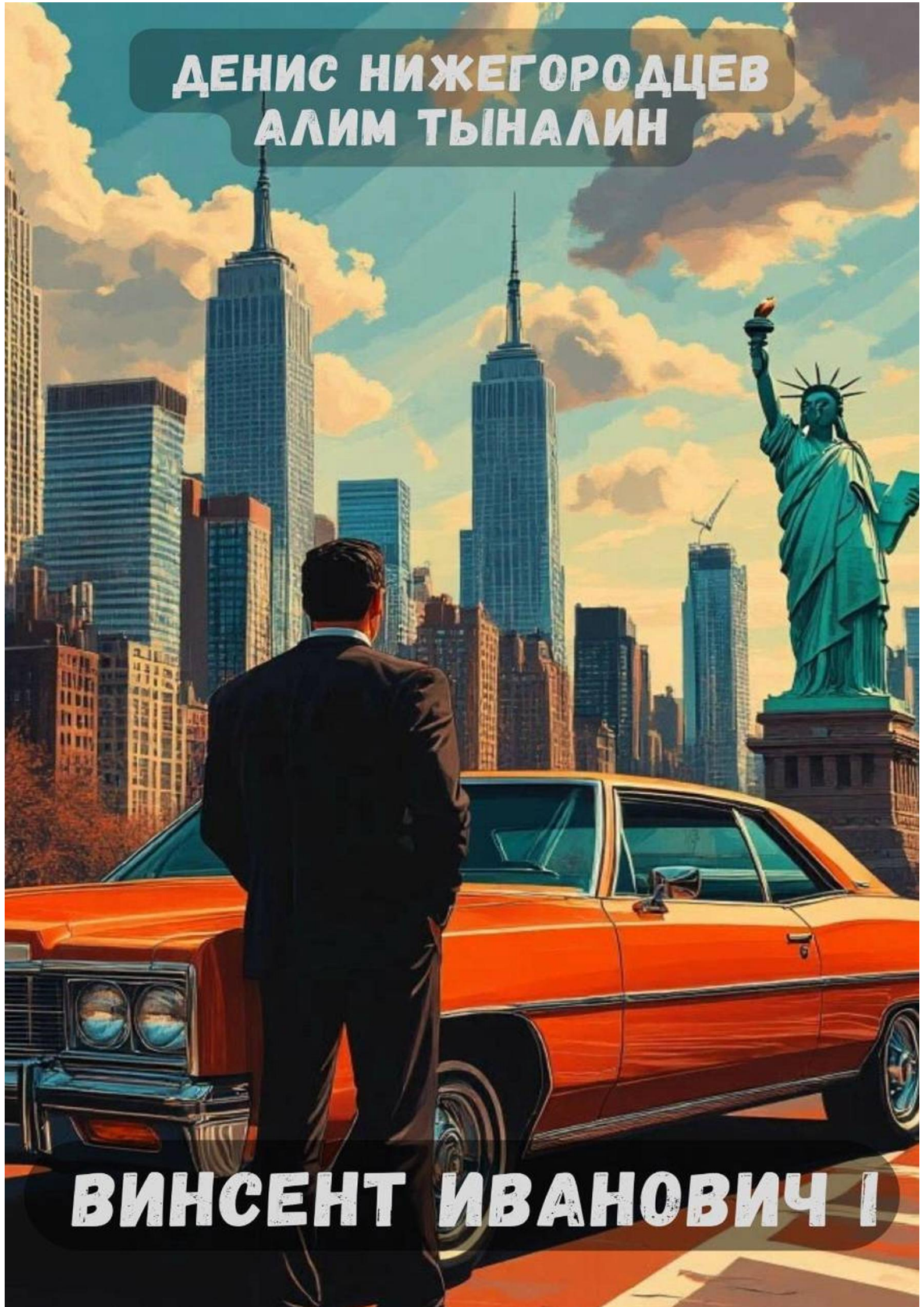

**ДЕНИС НИЖЕГОРОДЦЕВ
АЛИМ ТЫНАЛИН**

ВИНСЕНТ ИВАНОВИЧ I

Денис Нижегородцев
Винсент Иванович

«Автор»

2026

Нижегородцев Д.

Винсент Иванович / Д. Нижегородцев — «Автор», 2026

Геннадий Иванович Рябов, семейный психолог с двадцатилетним стажем, умер в собственном кабинете от удара статуэткой Фрейда. Клиент оказался неадекватным. Это было профессиональной ошибкой психолога. Что случилось дальше, вы узнаете, когда прочитаете о том, как скромный петербургский интеллигент в четвертом поколении попал в Нью-Йорк 1978 года, стал двойным агентом войне итальянских мафиозных кланов, выжил после нескольких покушений, закрыл долг в пятьдесят тысяч долларов за один вечер и обнаружил, что граница между применением психологии в терапии и разборках гангстеров тоньше, чем предполагалось.

© Нижегородцев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний сеанс	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Денис Нижегородцев Винсент Иванович

Глава 1. Последний сеанс

Игорь Ковалев сидел передо мной, сжимая подлокотники кресла так, словно готовился к взлету на реактивном лайнере. Костяшки побелели. Челюсть ходила ходуном. Классический случай подавляемой агрессии с вероятностью выброса процентов под девяносто.

Я сделал пометку в блокноте, не потому, что нужно, а потому, что некоторые клиенты любят, когда психолог что-то записывает. Создает иллюзию, что их проблемы достойны документирования. Хотя на самом деле я нарисовал очередную сову. У меня получались отличные совы.

– Геннадий Иванович, – жена Ковалева, Надежда Юрьевна, теребила кружевной платочек, который явно купила специально для нашего сеанса. – Может, хватит на сегодня? Игорь устал, он весь день работал...

– Я не устал! – рявкнул Игорь, и я мысленно повысил вероятность выброса до девяноста пяти процентов. – Я просто не понимаю, на кой черт мы сюда ходим! Три месяца уже! А толку ноль!

За окном моего кабинета садилось мартовское солнце, окрашивая Петроградскую сторону в оттенки старого золота. Я любил этот вид, он напоминал мне, что где-то там, за стенами этого кабинета, существует прекрасный мир, а я застрял здесь с очередной парой, которая через полгода все равно разведется. Статистика штука упрямая.

Впрочем, они мне платили. Хорошо платили. Достаточно, чтобы я мог снимать хорошую квартиру в историческом центре и делать вид, что моя работа имеет смысл.

– Игорь Владимирович, – я снял очки и протер их краем свитера. Это всегда помогало выиграть несколько секунд на обдумывание. – Давайте вернемся к тому моменту, когда вы упомянули секретаршу. Светлана, кажется?..

Надежда Юрьевна всхлипнула. Игорь покраснел, я видел, как краснота поднимается от воротника рубашки к вискам. Забавно наблюдать за физиологией эмоций, когда сам находишься в безопасности за массивным письменным столом красного дерева. Этот стол мне достался от деда, профессора филологии. Дед умел выбирать мебель, солидную, внушительную, способную даже пережить своего владельца.

– Какая, на хрен, Светлана?! – Игорь вскочил с кресла. Метр восемьдесят пять, вес килограммов сто двадцать, руки как у грузчика. Я сглотнул. – Вы что, издеваетесь?!

– Игорь, присядьте, – я старался сохранять спокойный тон. Самое главное в такие моменты не показывать страха. Они чувствуют страх, как собаки. Хотя нет, общество собаки в таких случаях даже приятнее. – Мы здесь для того, чтобы...

– Я знаю, для чего мы здесь! – он шагнул к столу, и я инстинктивно откинулся на спинку стула. Вот оно. Девяносто пять процентов в действии. – Чтобы ты, умник в очочках, копался в моей жизни! Чтобы моя жена слушала весь этот бред про «подавленные чувства» и «травмы детства»!

– Игорь, пожалуйста... – Надежда попыталась встать, но он резко обернулся к ней.

– Сиди! Я еще не закончил!

Я оценил расстояние до двери. Метров пять. Игорь стоял как раз посередине. У меня не было ни единого шанса. Сорок восемь лет, третий разряд по шахматам, последний раз бегал на физкультуре в университете. А Игорь – мужик, который явно умел применять силу. Я видел это по тому, как он двигался, уверенно, резко, привычно к конфликтам.

– Игорь Владимирович, – я попробовал еще раз, сложив руки на столе. Дед говорил, что открытые ладони успокаивают. Хотя дед вряд ли имел много дел с разъяренными качками. – Давайте сделаем перерыв. Выпьем воды, или, может быть, чай, кофе?..

Обычно в таких случаях мы не предлагаем успокоиться, это еще больше раззадоривает агрессора. Лучше перевести его внимание на что-то материальное, предложить чай или кофе, задать неожиданный вопрос. К примеру, «какой сегодня день»? Или:

– Что у вас в руке?

Но в этот раз мои теоретические построения... разбились о быт. Я не успел понять, что именно он взял со стола.

– Что у меня в руке?! – он потряс в воздухе бронзовой статуэткой Фрейда. Подарок от коллеги на юбилей. Восемнадцать сантиметров венской бронзы, старик Зигмунд с сигарой. Массой килограмма в полтора, не меньше. – Ты меня три месяца доводишь своими вопросами! Лезешь в душу! А теперь еще и про Светку!

Я успел бросить взгляд на статуэтку в его руке и подумать, как же абсурдно будет выглядеть мой некролог: «Геннадий Иванович Рябов, семейный психолог, убит статуэткой основателя психоанализа».

– Игорь, положите это, – я встал из-за стола, выставив руки вперед. Голос подрагивал, несмотря на все попытки контроля. – Мы можем поговорить. И все обсудить.

– Говорить?! Да мне твои разговоры вот где! – он сделал характерный жест свободной рукой, и я понял, что все кончено.

Надежда закричала. Игорь замахнулся. Я увидел, как бронзовый Фрейд описывает дугу в воздухе, и подумал: «Как же глупо, как же невероятно глупо вот так все заканчивается!»

Удар пришелся в висок. Я услышал хруст, очень четкий, почти музыкальный звук. Стол дедушки поплыл вбок, книжные полки закружились в странном танце. Пол ударил в спину, выбив остатки воздуха из моих легких. Последнее, что я увидел – трещину на потолке, которую собирался замазать еще полгода назад. Она была похожа на профиль Ницше. Или на сову. На очень печальную сову.

А потом вдруг стало темно.

И очень, очень тихо.

Первое, что я почувствовал, – это боль. Не ту изящную, почти философскую боль умирания, которую я ожидал встретить в загробном мире (если он существует, а я в это никогда особо не верил). Нет. Это была грубая, животная боль, будто кто-то засунул мне в череп работающий отбойный молоток и забыл выключить.

Я застонал. Голос прозвучал чужим: хриплым, низким, прокуренным. Как будто тот же неведомый мучитель заменил мои голосовые связки на наждачную бумагу.

Попытался открыть глаза. Веки словно налились свинцом. Левое открылось легче, правое еле-еле, словно опухшее. Сквозь слезящуюся пелену я увидел потолок. Грязно-желтый, с разводами от старой протечки, лампочка без абажура болтается на скрученном шнуре. Определенно не рай. Впрочем, учитывая мою профессию и количество разрушенных семей, это было предсказуемо.

Я попытался сесть, и чуть не упал обратно от головокружения. Тело не слушалось. Точнее, слушалось, но как-то неправильно. Руки двигались слишком тяжело, грудь казалась шире, ноги длиннее.

– Что за... – я снова услышал этот чужой хриплый голос и замер.

Медленно, преодолевая тошноту, поднял руку перед лицом.

Это была не моя рука.

Определенно. Не. Моя.

Широкая ладонь с короткими толстыми пальцами. Костяшки покрыты шрамами, белыми полосками старых порезов. Волосы на предплечье густые, черные. На запястье дешевые часы «Timex» с треснутым стеклом. А там, где должно быть родимое пятно (у меня оно было с рождения, на левой руке, между большим и указательным пальцем) ничего нет. Зато между указательным и средним красовалась любительская татуировка – криво наколотый крест.

Я уставился на эту руку, пытаюсь заставить мозг работать. Галлюцинация? Кома? Предсмертный бред умирающего мозга, который рисует мне последнюю фантазию перед окончательным отключением?

Вторая рука оказалась такой же чужой. Тоже шрамы, тоже татуировка, на правом предплечье надпись готическим шрифтом: «OMERTA». Я слышал это слово. Кодекс молчания сицилийской мафии.

– Нет, – я покачал головой, и боль в висках взорвалась фейерверком. – Нет, нет, нет...

Огляделся по сторонам, цепляясь взглядом за детали, пытаюсь понять, где я.

Комната. Маленькая, метров двенадцать от силы. Обои грязно-коричневые, местами отклеились, обнажая серую штукатурку. Железная кровать, на которой я лежал, панцирная сетка провисла почти до пола, матрас продавлен посередине, пружины жалобно скрипели при каждом движении. Простыни серые от времени и стирки, пахли потом и дешевым порошком.

У стены комод из прессованной древесины, облезлый, с отвалившейся ручкой на верхнем ящике. На нем пепельница, доверху забитая окурками «Marlboro», пустая бутылка из-под пива «Rheingold», помятая пачка сигарет, зажигалка «Zippo» с выцветшей надписью.

Слева окно, занавешенное выцветшей тряпкой вместо штор. Сквозь щель пробивался свет, яркий, утренний. Я слышал звуки улицы: гудки машин, крики на английском и итальянском языках, лай собаки, громкую музыку из открытого окна напротив.

Справа открытая дверь в крошечную ванную. Я видел край унитаза, покрытого ржавыми потеками и умывальник с отколотой эмалью.

На стене напротив кровати настенный календарь. Девушка в бикини облокотилась на капот красного «Самаго», улыбаясь глянцевой улыбкой. Под фотографией крупно: «ИЮЛЬ 1978».

1978-го, б...ь!

Я закрыл глаза, сосчитал до десяти, открыл снова.

«ИЮЛЬ 1978».

– Хорошо, – пробормотал я этим же чужим голосом. – Значит, я окончательно спятил. Мозг умирает и рисует мне предсмертные картинки. Логично. Вполне научно объяснимо.

Но тело не ощущалось как галлюцинация. Боль была слишком реальной. Я ущипнул себя за бедро. Больно. Очень больно. Мышцы под пальцами твердые, как камень. У меня никогда не было таких мышц. Еще недавно я был человеком, который задыхался, поднимаясь на третий этаж без лифта.

Медленно, преодолевая головокружение, я спустил ноги с кровати. Босые ступни коснулись холодного линолеума. Встал, держась за спинку кровати. Закачался, но устоял.

И увидел себя в облезлом зеркале на дверце комода.

Из зеркала на меня смотрел незнакомец.

Лет тридцати, не больше. Лицо широкое, грубоватое, с тяжелой челюстью и выступающими скулами. Нос явно ломали, и не раз, он искривлен влево, с характерной горбинкой. Над левой бровью старый шрам, белая полоска сантиметра полтора длиной. Правый глаз чуть опух, вокруг него расплылся свежий синяк, сине-фиолетовый, переходящий в желтоватый по краям.

Волосы черные, жесткие, торчат во все стороны, нуждаются в стрижке. Щетина на щеках и подбородке густая, трехдневная.

Тело... Господи, это тело атлета. Если бы я был таким раньше, Ковалев никогда не осмелился бы напасть на меня!

Широкие плечи, развитая грудь, руки как у грузчика. На груди еще одна татуировка, большая, орел с распростертыми крыльями держит в когтях ленту с надписью «LA FAMIGLIA». Ниже, на ребрах россыпь старых шрамов. Один особенно длинный, сантиметров пятнадцать, идет по левой стороне от подмышки к пупку.

Я провел пальцами по этому шраму. Старый, давно зажил. Кожа в этом месте белая, плотная.

– Что происходит? – спросил я у своего отражения. – Что, к черту, происходит?

Отражение не ответило. Только смотрело на меня чужими темно-карими глазами. А у меня были серо-голубые глаза. Всю жизнь были серо-голубые.

Внезапно в голову ударила волна чужих образов.

Темная улица. Двое мужчин, один в кожаной куртке, другой в костюме. Крики. Удар кулаком в лицо. Вкус крови во рту. Боль в ребрах. Но меня это не останавливает. Я разгибаюсь и последовательно отправляю в нокдаун сначала одного, потом второго. Это вам не семейный психолог в очках с толстыми линзами. Это настоящий уличный боец, чье тело не зря испещрено шрамами. Но вот меня хватают уже сзади, один, второй, третий, бросают мордой в асфальт, следуют удары ногами по голове, тоже один, второй, третий. И я вырубаясь. Даже странно, что я до сих пор не умер.

Другая картинка. Подворотня, стопка долларовых купюр, переходящая из рук в руки. Животный страх. Но он по-прежнему не останавливает, а наоборот гонит вперед. Чья-то рука, вдвое толще моей, хватается за плечо. И... снова провал.

Или еще: офис, массивный стол, за ним сидит толстый мужик с сигарой и лицом, красным от гнева. Он орет, тыкая пальцем себе в грудь: «Пятьдесят тысяч, Винни! Пятьдесят тысяч, или ты покойник!»

Винни.

Меня зовут Винни.

Нет. Меня зовут Геннадий. Геннадий Иванович Рябов.

Но этого человека в зеркале зовут Винни.

Винсент. Винсент Ла Руссо. Смешно. Типа, Винсент Иванович Русских, или как-то так?.. Вряд ли. Обычная итальянская фамилия, не имеющая ничего общего с моим действительным происхождением.

Новая волна воспоминаний, еще более яркая. Они врываются в сознание как осколки разбитого стекла, режущие и болезненные.

Отец, пьяный, замахивается ремнем. «Ты опозорил семью, сукин сын!»

Мать плачет на кухне, перебирая четки.

Дальше улица, очередная драка у бара, мои кулаки врезаются в чужое лицо, хруст носовой кости, брызги крови на костяшках. Кажется, я кого-то убил. Ну или покалечил. Лежит, не встает. Фух, нет, вроде дернулся...

Или девушка, рыжая, с зелеными глазами, она кричит: «Ты ничего не добьешься, Винни! Ты такой же неудачник, как твой отец!» Возможно, она и права... Ведь я толком еще не знаю ни Винни, ни тем более его родственников.

Карточная игра в подсобке ресторана, дым сигарет, стопки фишек. «Ставлю все». Чужие карты открываются на столе, там флеш-рояль. Проигрыш. Огромный проигрыш. Но вместо того, чтобы собраться, я... устраиваю форменную истерику. Примерно, как г-н Ковалев с моего крайнего сеанса...

А перед глазами снова толстяк с сигарой. «У тебя три месяца, Винни. Три месяца, чтобы вернуть пятьдесят штук. Или твой вонючий труп найдут в Джерси, если вообще найдут». Джерси?.. Это где-то под Нью-Йорком. Но не суть. Будет еще время хорошенько изучить карту Штатов. Похоже, я тут надолго.

Я схватился за край комода, чтобы не упасть. Дышал тяжело и хрипло. Сердце колотилось в груди как бешеное.

Пятьдесят тысяч долларов. Долг. Три месяца на возврат. Или смерть.

«Нет, – прошептал я. – Это невозможно. Это просто невозможно!»

Но тело все помнило. Мышцы помнили каждую драку. Руки помнили, как сжимаются в кулаки, как наносят удары, как ломают чужие кости. Да и собственная физиономия с плохо закрывающимся левым глазом и смещенным в сторону носом не давала забыть, кто я.

Я... Геннадий Иванович Рябов, семейный психолог из Санкт-Петербурга, рожденный в 1978 году.

Или я – Винсент Кармайл Ла Руссо, мафиози с Манхэттена, в том же 1978 году?

Я подошел к окну на негнущихся ногах, отдернул грязную занавеску. Внизу расстилалась улица, которую я никогда не видел, но почему-то хорошо знал. Узкая, замусоренная, машины припаркованы вдоль обоих тротуаров, огромные американские седаны «Chevrolet», «Ford», «Oldsmobile», все семидесятых годов. Вывески на итальянском: «Pasticceria», «Ristorante Vesuvio», «Salumeria».

Старушка в черном платке тащит тележку с продуктами. Двое мужчин в майках-алкоголичках играют в карты прямо на капоте машины. Откуда-то донесся запах жареного чеснока и томатного соуса.

Маленькая Италия.

Нижний Манхэттен.

1978 год.

Я медленно опустился на край кровати, уткнулся лицом в эти чужие, широкие, мозолистые ладони и едва не закричал в голос. Вот, наверное, что ощущали многие клиенты моей психологической практики. С виду – шкаф, по взгляду – зверь, а внутри загнанная в угол трепетная лань, которая просто не знает, что ей делать и хватает со стола психолога все, что попадает под руку...

– Я умер, – сказал я вслух. – Игорь Ковалев убил меня статуэткой Фрейда в моем собственном кабинете в Петербурге, в две тысячи двадцать шестом году. А теперь я... я...

Не было слов для того, что произошло. Реинкарнация? Переселение душ? Межвременной переход? Это звучало как плохая фантастика, вся эта г...но-литература, которую я никогда не читал, предпочитая классику и серьезные научные труды.

Но факты были упрямы. Я здесь. В чужом теле. В чужом времени. С чужими долгами и чужими проблемами.

И у меня три месяца, чтобы найти пятьдесят тысяч долларов, или человека по имени Винсент Ла Руссо закопают где-нибудь в болотах Нью-Джерси.

А вместе с ним и меня.

Теперь уже я рассмеялся. Надрывно, без радости. Звук получился хриплый, почти безумный.

– Ну что ж, Геннадий Иванович, – сказал я своему отражению в зеркале. – Кажется, твоя новая терапевтическая сессия будет... несколько сложнее предыдущих.

А чужое лицо в зеркале ухмыльнулось кривой, циничной ухмылкой. «Вот же, ублюдок...» – подумал я какими-то не своими, а чужими словами. И тут же сплюнул прямо на пол этой и без того стремной, захламленной норы. «Придется поучить тебя манерам!» – бросил я качку в зеркале.

Но меня тут же прервали. Какая-то дама резко заголосила с соседнего балкона. Было много шума, нецензурных слов и, наверняка, знаменитых итальянских жестов. Но я почему-то отлично ее понимал. Мол, опять этот Винни устроил бедлам в этой квартире, скорей бы его уже забрали копы или собственные соотечественники закопали в... Впрочем, я уже повторяюсь.

Где-то внизу, на улице, кт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.